

ЧТО ЕСТЬ ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ и как на нее настроиться?

ПИСЬМА
Епископа Феофана

Издательство «Жизнь с Богом»
© Foyer Oriental Chrétien
206, Avenue de la Couronne
1050 Bruxelles 5 – Belgique

Брюссель 1996

II

А я растерялся в догадках, что бы такое было? — А вот что! Бабушка немножко болела. Ну, — бабушка — победоносное слово. Для внучек нет теплее места, как у бабушек, нет и для бабушек дороже лиц, как хорошие внучки. И за это надо Бога благодарить. — А вы чаще утешайте бабушку и внимательнее слушайте, что она говорит. У старicc — мудрость, опытами и трудами жизни приобретенная. И они часто незначай, в простых фразах, выказывают такие мудрые уроки, которых и в книгах поискать — не найдешь.

Хоть вы представили очень удовлетворительное объяснение, почему не писали так долго; но все же следовало бы на вас наложить, хоть небольшую, епитимью, в видах исправления. Думаю, однакож, что, может быть, вы лучше расположитесь к исправности, если благодарю вас, что писали, и за то, что писали. И благодарю.

Обещаете быть откровенною. Добре! Откровенность — первое дело в переписке: иначе нечего было ее и затевать. И пишите всегда с плеча, — все, что есть на душе, и особенно поплнее излагайте вопросы, которые зашвелятся в голове и станут настойчиво требовать решения. Тогда и решения будут приниматься, как земля жажущая принимает воду. И это есть самый лучший способ и приобретения и закрепления в душе понятий, разъясняющих суть предметов и дел, которых яснозрение очами ума считаем мы для себя необходимым. Какой был бы толк, если б я написал вам об одном, а ваша душа была бы занята другим? Это было бы пусторечие, похожее на то, как если б два лица разговаривали между собою, обратясь друг к другу спиною и каждый толкуя о том, что у него пред глазами. Мы, кажется, так и положили с вами, что не

будем заниматься отвлеченностями и рисовать планы и теории, а поведем речь так, как вести ее заставят текущие явления жизни. Так и будем идти шаг за шагом.

Пишете, что «у вас рябит в глазах. Дня с два, говорите, случилось мне пробыть в обычных здесь общественных увеселениях, то в театре посидела, то погуляла, то была на вечере. И что это за толкотня, какие речи, какие о всем мудреные суждения, какие приемы в обращении? Все это мне дико, а от толкотни — мыслей не сберу». Это на первый раз вам так показалось, а потом присмотритесь. Впечатление, вами испытанное, после покойной простой семейной в деревне жизни, совершенно в порядке вещей. Я бы сказал вам: помните, что у вас от всего бывшего засело на душе. Ибо возможно, что на поверхности будто и неодобрение таких порядков, а поглубже — сочувствие им и желание повторения. Жизнь, которой частичку вы видели, имсет одуряющее свойство: так что и видят, что все это не то, а все тянется, как привыкший к опиуму знает, что будет, как сумасшедший, а все принимает его, или потому и принимает. Так вы как себя чувствуете? Тянет вас еще туда же? Желательно вам так проводить жизнь? Прошу хорошенько расписать мне это — и по правде.

III

Как вы обрадовали меня вашим ответом! «Не тянет, напротив, отталкивает. Не один день после того я была, как разбитая, душа моя томилась и тосковала, и я сладить с собою не могла. Насилу — насилу отлегло». Что же это вы прошлый раз не прописали этого? Мне и показалось, что помалчивая, вы прячете зазнобу или занозу. Дай Бог, чтоб такое, отрывающее от свет-

ской жизни и светских увеселений, чувство навсегда сохранилось в вас. Но возможно и то, что слюбится. Как видно, вам нельзя не соприкасаться к такой жизни. Во второй раз будет уж не так разрушительно и смутительно, в третий – еще меньше, а потом и ничего себе: как говоряг про водочку – первая чарка колом, вторая соколом, а там уж только подавай. Которым приходите зайти в табачную мастерскую, что испытывают? И глаза ест, и в носу точит, идохнуть нельзя. А которые трут-то, тем совсем ничего: да и эти свежие, постояв немного, уже не так жмурятся, чихают и перхают, а потом и совсем эти неудобства прекращаются. Смотрите, не случилось бы и с вами подобного отпосительно, так возмутивших покой ваш, порядков жизни?

Вы будто упредили мой вопрос, и говорите: «и не думаю, чтоб я помирилась когда-нибудь с такою жизнью. Присматриваюсь и нахожу, что это не жизнь. Не умею этого объяснить, но утверждаюсь в мысли, что это не жизнь. Движения тут много, а жизни нет. Вон и моя швейня куда как хлопочет, но что в ней за жизнь?» Прекрасную мысль породила ваша светленькая головка. Теперь ваше положение я могу считать более надежным. Чувство одно непрочно: оно может измениться. Но когда в помощь к нему приходит основная мысль, то оно упрочивается, и собою опять упрочивает мысль. Вдвоем они похожи на крепость. Но чтоб эта крепость была крепче, надо вам понять, почему именно нет жизни в той жизни? Если продолжится наши беседы, то со временем подробно выяснится это; теперь же скажу только: потому нет – в той жизни, что она не все стороны человеческой жизни занимает, питает, а только малую частичку, и при том такую, которая стоит на последнем месте, или вернее, на окраинах жизни, не касаясь центра ее. Жизнь чело-

6

вечская многосложна и многосторонна. Есть в ней сторона телесная, есть душевная и есть духовная. Каждая имеет свои силы и потребности и свои способы и упражнения их и удовлетворения. Только тогда, как все силы наши бываюг в движении и все потребности удовлетворяются, человек живет. А когда у него в движении только одна частичка сил, и только одна частичка потребностей удовлетворяется, то эта жизнь не жизнь: все одно, как в вашей швейне движение должно бывает только тогда, когда все части се в ходу.

Прекратись действие какой-либо части, машинка стала – не живет. Не живет и человек по-человечески, когда в нем не все в движении. Только в машинке прекращение се жизни – движения – видимо видится, а в человеке бездействие в нем полной человеческой жизни, при действии одной какой стороны и удовлетворении немногих потребностей, совершается невидимо, хотя есть действительно, как действительно неподвижность сказанной машинки. Таков закон человеческой жизни! Приложим его к тому, о чем у нас речь. Какие силы там заняты и какие потребности удовлетворяются? Заняты руки, ноги, язык, глаза, уши, обоняние, осязание, память, воображение, фантазия и сметливость, все в совокупности – самая низшая сторона человека, одинаковая у него с животными; и удовлетворяется только одна потребность животной жизни или лучше – итание сей жизни, какое действует и в молодых барашках с овечками, когда их выгоняют на зеленую поляну.

Кроме этих сил есть у человека еще два три яруса их, и еще главный им центр.

Судите же теперь, может ли такая жизнь быть жизнью? Чувство ваше сказало вам, что нет тут жизни. Указываю вам главную причину, почему нет. Может быть, действие этой причины не так теперь для вас ясно, но общая мысль не может не быть понятою; по-

7

дробности же уяснятся со временем. Ибо я имею намерение — все должное выводить из устройства человеческого естества. Жить нам надобно так, как Бог создал нас, и когда кто не живет так, смело можно говорить, что он совсем не живет. Прошу удовлетвориться пока этим.

IV

Прошлый раз не о всем я поговорил чего касались вы в своем письме. Шлю дополнение. Вы говорите: «еще вот что я вижу, что все в попыхах спешат, гонятся за чем-то, чтоб уловить, и никто ничего не успевает поймать. Стучилось мне пройти людною улицею или местом — какая там суматоха и суета! Но смотрю потом, — и в домах тоже, — тоже вероятно и в душах у них. И ума не приложу, — ужели так можно жить? — И вот что еще вижу, что тут друг друга теснят, вяжут и тиравят; никто своей воли и свободы не имеет. Одеться не смей, как хочешь; ступать не смей, как хочешь; говорить тоже, — и ничего не смей, как хочешь. Все у них подчинено какому-то закону, который не знают кем написан; всех он теснит; но никто сломать его не смеет. За то и сами делаются тиранами друг для друга. Посмей не послушать кого — горе. Я, например, пою. Когда хочется петь, ведь это рай; и самой приятно и слушающим. А тут, хочешь-не хочешь, пой. Предлагается это очень вежливо; но отказаться-то считается делом противозаконным. И поешь. Самой тягота невыносима, — чуть грудь не треснет, а надуваешься — показать, что поешь от души. Я замечала это и у других. Вот вам и свобода! А ведь сначала это и у других все вольница. Вольница. — спутанная по рукам и по ногам! По этому поводу стала я присматриваться, — да от души ли они делают и все прочее. И что же? Мо-

жет быть, я ошибаюсь, но не увидела ничего, что было бы от души. Ласки напускные, готовность к услугам — тоже, взаимовыужение — тоже. Все напускное. За видимостью, гладкою и изящною, прячется совсем другая душа, которую, если б ее вытаскать наружу, никто не нашел бы не только изящною, но и сносною. И выходит, что когда мы собираемся, то представляем собою сборище лицедеек и лицедеев. Комедия! — И еще, — что мне дивно, — это то, что от всех веет холодом. Как же это так?! Ведь все дружка дружке, кажется, душу готовы отдать, а кругом ходит холод!»

Совершенно верно. К вашему описанию нечего и прибавлять. Все это давно уже замечено и указано в предосторожность. Еще Макарий Великий вот как изображал виденную вами сумятицу и тоньбу за чм-то! «Чада века сего уподобляются пшенице, всыпанной в решето земли сей и просеиваются среди непостоянных помыслов мира сего, при непрестанном волнении земных дел, пожеланий и многослепленных вещественных понятий. Сатана сотрясает души, и решето, то-есть земными делами, просеивает весь грешный род человеческого. Со времени падения, как преступил Адам заповедь и подчинился лукавому князю, взявшему над ним власть, непрестанными обольстительными и мятущимися помыслами всех сынов вска сего просеивает и приводит он в столкновение в решете земли. Как пшеница в решете у просеивающего бьется, и, взбрасываемая непрестанно, в нем переворачивается, так князь лукавства земными делами заимает всех людей, колеблет, приводит в смятение и тревогу, заставляет приражаться к суетным помыслам, нечистым пожеланиям, земным и мирским связям, нечестно пленяя весь грешный род Адамов. И Господь предсказал Апостолам будущее на них восстание лукавого: *сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу.*

Аз же молился Отцу Мосму, да не оскудеет вера ваша (Лук 22.31). Ибо сие слово и определение, изреченное Создателем Канну явно: *стения и трясыйся*, в тревоге, будещи на земле (Быг 4.12), служит втайне образом и подобием для всех грешников; потому что род Адамов, преступив заповедь и соделавшись грешным, привнял на себя вгаине сие подобие. Люди приводятся в колебание непостоянными помыслами боязни, страха, всякого смущения, пожеланиями, многообразными всякого рода удовольствиями. Князь мира сего волнуеет всякую душу, не рожденную от Бога и, подобно пшенице, непрестанно вращающейся в решете, разнообразно волнуеет человеческие помыслы, всех приводя в колебание и уловляя мирскими обольщениями, плотскими удовольствиями, страхованиями, смущениями» (Бесед 5.1-2).

Вот вам в придаток к вашему наблюдению! Вы заметили, что есть и бывает. А св. Макарий указал и причину того, и первое исходиде. Этот взгляд на дело в том круге, о коем речь не принимается и речи о том заводить нельзя. Вас же прошу усвоить этот взгляд и всегда держать его в мысли. Он выражает суть дела, и, будучи вами принят с убеждением, будет служить для вас ограждением от обаяний светской жизни. Чтоб больше об этом подумать и более сродниться с таким образом мыслей, потрудитесь прочитати всю эту пятую беседу св. Макария. Книгу эту я давал вашей матушке и она хотела ее приобрести.

С своей стороны прибавлю, что эта гоньба за чем-то и неудовлетворенность ничем зависят от того же, о чем я писал прошлый раз, именно, от того, что таким образом жизни не все естество человеческое питаеся, и не все потребности его удовлетворяются. Неудовлетворенная сторона, как голодная, требует пищи в утоление своей алчбы и жажды и гонит человека ис-

кать ее. Человек и бежит искать; но как он вращается все в том же круге, неудовлетворяющем голодающей стороны, то удовлетворения не бывает, голод и жажда не пресекаются, не прекращается и требование пищи, не прекращается и гоньба. И никогда она не прекратится в живущих по духу мира. Враг же держит их в ослеплении, по коему они не замечают ошибки, что не тою дорогою бегут и не туда стремятся; и в этом мраке томит и душит эти души – бедные. И так их отуманил враг, что и говорить им об их ошибочности не смеет никто. Так и зарычат как лютые звери. Не рыканис ли это того льва, который всюду рыщет, *иский кого поглотити?*

Что касается до других, замеченных вами сторон мирской жизни, скажу только, что иначе сему и быть нельзя. Ибо *такая жизнь есть жизнь падшего человечества, которого исходная черта есть самолюбие или эгоизм, себя ставящий целью, а все и всех средством.* Тут причина того, что всякий хочет навязать свои желания на другого или связать его ими, – что назвали вы очень метко тиранством. Уж как ни скрашивает кто своих желаний, назади всего стоит эгоизм, желающий повернуть вас по своему, или сделать вас средством. Тут причина и лицедейства, – суть которого есть напряженное ухищрение всячески прятать свои дурные стороны, не исправляя их; иначе пресеется влияние на других и след, пользование ими, как средствами. Тут причина и того, что от всех холодом веет; ибо всякий замкнут в себе и не разливает лучей тепловой жизни вокруг себя.

Правда, вы верно встречаете несколько лиц с симпатичным строем сердца: так и льнут и берут прямо за сердце. Такое расположение есть остаток родственного чувства, с каким создан человек в отношении к другим; но оно тут состоит в услугах у эгоизма, кото-

рый пользуется им как наилучшим средством к устроению своих дел. Я знаю одно такое лицо. Лучше прямой эгоист или эгоистка, чем такие симпатисты и симпатистки. В тех хотя замстить можно. куда ведут дело, а здесь редко кому удастся этого достигнуть.

Правда, — вы непрестанно почти встречаете услуги, но они делаются затем, чтоб потом за одну запретить вас на десять дел в свою пользу. Скажете: да как же это? тут все бьют на честность, и в чем-либо показать нечестность значит стубить себя. Правда, что так есть; но эта честность есть маска эгоизма; все дело тут — не ударить себя в грязь лицом, для чего нередко допускаются самые безчестные поступки, коль скоро можно утаить их от других. Вы даже услышите или уже услышали приговоры: это эгоист, это эгоистка! Не подумайте, что говорящие это сами чужды эгоизма. Нет, — этот приговор относится к тем, которые не позволяют повертываться собою или употреблять себя в средство для эгоистических целей тех, которые так о них судят. И следов, прямо обличает в сих последних эгоистов или эгоисток. Я слышал, что такие особы даже монахов укоряют в эгоизме. — что-де для себя одних живут. Бедные монахи! ни поесть, ни поить, ни поспать; день и ночь на ногах, в послушаниях, не имея своей воли и своих желаний, — и попали в эгоисты! — По этому одному можете судить, какого достоинства суть и вообще обличения в эгоизме, какие встречаете или встретите среди светских. — Они значат: нашла коса на камень.

Пересмотрев написанное, вижу, что это очень грубый произнес суд над светскою жизнью: но не беру слова назад. Может быть я и не написал бы того, что написалось; но как вы сами заметили довольно генические пятна в свете, то я и разохотился — запеть в ту же ноту; и не думаю, чтоб это сколько-нибудь вас по-

коробило после того, что сами вы сказали. Но, ожидаю от вас вопроса: как же быть-то? — Это и будем решать в продолжение всей нашей переписки. Теперь же скажу только: совсем вам отстать от вссх, конечно, нельзя; но сколько можно отнекивайтесь входить в круг этой светской жизни, а когда втянут против воли, держите себя так, как бы вас там не было, — видя не видите и слыша не слышите. Видимое пусть проходит мимо глаз, и слышимое мимо ушей. — Внешно действуете как и все, будто на распашку; но сердце свое берегите от сочувствий и увлечений. В этом главное — сердце берегите; и будете там только телом, а не душою, верно исполняя заповедь Апостола: *да будут... требующий мира, яко не требующе* (1 Кор 7.31). Мир здесь то же значит, что у нас — свет, и светская жизнь. Вы будете требующая мира, т.е. имеющая нужду соприкасаться светской жизни: но когда будете держать вдали от всего свое сердце, то будете яко нетребующая такой жизни, т.е. не по сочувствию и желанию в ней участвующая, а вынуждаема будучи настоящим своим положением.

Утомил я вас многописанием, но вы же меня понудили. Прощу не пропустить без внимания написанного, особенно последних строк.

V

Сколько вы наделали вопросов по поводу предыдущих двух писем?! — Это показывает в вас прилежную, живую и восприимчивую ученицу и обещает успех. Тем охотнее мне писать. Но не на все буду вам отвечать теперь, оставляя ответы до следующих разов. Займусь тем, что более всего вас занимает. Пишите: «Ваши слова о сторонах, силах и потребностях человеческого естества вводят меня внутрь себя. Вхожу.

Кос-что вижу, но большая часть то туманна, то совсем невидима для меня. Сильно желаю знать, что такое духовная, душевная и телесная сторона в человеке, какие в каждой потребности и как они удовлетворяются, т. е. очень хотелось бы держать себя на уровне человеческого достоинства, — истинного, как нам назначено быть Творцом».

Хорошо-с! Вы касаетесь самых основ нашей жизни, объяснение которых даст нам основы для всех последующих рассуждений. Уж как же иначе человеку и жить, как не так, как он устроен. Установив здравые понятия о том, как устроен человек, получим вернейшее указание на то, как ему следует жить. Мне думается, что многие потому и не живут, как должно, что думают, будто правила о сей достойной жизни навязываются сновне, а не исходят из самого естества человека и не им требуются. Если были уверены, что так есть, не стали бы поперечить им и отступать от них. — И так, извольте прислушаться.

Тело наше состоит из разных органов, из коих каждый совершает свое отправление, существенно необходимое для жизни телесной. Главных органов три: 1/ *желудок* с легкими, сердцем, артериями и венами, лимфатическими сосудами и множеством других сосудов, сосудов и желез, служащих для разных отделений из крови и соков тела; отправление всех их — *питание* тела или плототворение; 2/ *система мускулов и костей*, отправление коих есть *движение* внутри и внешне и 3/ *система нервов*, центр коих — голова, спинной мозг и система ганглий — где-то под брюшиною и грудною преградою, а разветвления проникают все тело; отправление ее — *чувствительность*. Когда ход этих отведений и взаимное их отношение в порядке, тело здорово и жизнь — вне опасности; а когда этот порядок нарушается, тело заболевает и жизнь в опас-

сти. Каждое отправление имеет свою потребность, которая дает себя живо чувствовать живущему, требуя удовлетворения. *Потребности желудочной* или питательной и плототворной части суть — *пища, пища, воздух, сон*; *потребность мускульно-костяной* части есть потребность *напрягать мускулы*, которую всякий чувствует, долго засидевшись, и прямо *потребность движения*, заставляющая ходить, гулять, работать что-нибудь; *потребность нервной* части — *приятное раздражение нервов* всего тела, как мерность тепла и холода и подоб., и особенно *приятное раздражение пяти наших чувств*, в которых нервная система вышла наружу для общения со внешним миром.

Все это, как видите, телесно, душе какое бы до всего этого дело. Но как она, по теснейшему сочетанию с телом, приняла его в свою личность, то своими считает и все потребности телесные. Оттого говорим: я хочу есть, пить, спать, — хочу ходить, гулять, работать, хочу видеть разноцвет, слышать разноголосие, обонять разноухание и проч. Усвоив себе все потребности телесные, душа своим делом считает и удовлетворение их и хлопочет о пище, питии, сне, одежде, крове и о всем прочем, всячески желая добиться того, чтобы тело было покойно и не тревожило ее своими докучливыми требованиями. Это отношение души к телу, которое она держит не учась, а сама собою, по внутреннему некоему понуждению, обнаруживается в ней, в роде некоего инстинкта, — *животолобием, телолобием, желанием покоить тело* и доставать все для того потребное.

Совокупность всего этого и есть телесная сторона человеческой жизни. Но не все здесь одинаково телесно, или плотяно и чувственно. Крепко плотяна только питательная часть; но и она облагораживается при способлением ее удовлетворения к потребностям и

целям собственно душевным. Органы же движения и чувства служат более нуждам души, чем тела. А один орган, стоящий будто вне системы прочих органов, именно орган слова — исключительно есть орган души, назначенный для служения ее одной.

Телесная, плотская, чувственная, — неодолимая в нравственном отношении жизнь есть та, когда человек, увлекаясь крайне животоланием и телологием, поставляет главною для себя целью и заботою покой тела, или всестороннее удовлетворение потребностей лишь телесных с забвением о душе и тем паче о духе. При этом каждая телесная потребность, естественно-простая, располагается во множество при-вивных потребностей чрез привычку и пристрастие к разным способам ее удовлетворения. Возьмите пищу, или питье, или одежду. Что, касается, прочее всего сюда относящегося? А между тем сколько потребностей неотлучных: хоть умри, да подай! — Оттого видим, что иные минуты не имеют свободной, бегая за нужным для удовлетворения их, при всем том, что десятки других лиц заняты для них тем же. У таких неизменно должны голодать душа и дух, если они еще не совсем заглушены, забыты и погружены в чувственность.

Извольте о всем этом поразмыслить. О душе — до следующего письма.

VI

Вы входили внутрь; войдемте туда снова. Смотрите, какое там множество и разнообразие действий и движений?! То одно, то другое, то входит, то выходит, то принимается, то отвергается, делается и передается. Ибо душа приснодвижна и на одном стоять не в силах. Если мы станем смотреть в душу сообща, то

ничего не разберем; надо действие ее распределить по родам и каждый род потом рассматривать особо. Да уж давно присмотрелись и распределили все действия души на три разряда — мыслей, желаний и чувств, назвав каждый особою стороною души — мыслительною, желательною и чувствующею. Возьмем это разделение и начнем обозревать каждую сторону.

Сторона мыслительная. Если внутри нас видится смятение, то оно наибольший простор имеет в мыслях: желания же и чувства мягнутся уже под действием мыслей. Но в разряде мыслей не все есть беспорядочное движение; есть в среде их ряд серьезных занятий. Они-то, собственно, и составляют настоящее дело жизни душевной со стороны мыслей. Вот эти занятия:

1/ Как только заметили вы что-либо во мне посредством своих чувств, или выслушали рассказ других о том, что они заметили своими чувствами, тотчас все то *воображение* воображает и *память* запоминает; и в душу ничто не может войти помимо воображения и памяти. Затем и последующая деятельность мысли-тельная опирается на воображение и памяти. Чего не сохранила память, того не вообразишь, о том и думать не станешь. Бывает, что мысли прямо рождаются из души; но и они тотчас облекаются в образ. Так что мыслительная сторона души вся есть *образная*.

2/ Но воображение и память добывают и хранят только материал для мыслей. Само движение мыслей исходит из души и ведется по законам ее. Припомните, как ваш меньшой брат, увидев какую-либо новую вещь, тотчас обращался к вам или другим с вопросом: а что это? а кто это сделал? а из чего это? — и не успокоивался, пока не решат ему всех этих вопросов и не удовлетворят его. Мыслительность души начинается именно с порождением сих вопросов и рождает мысли в ответ на них, или принимает готовые уже об

этом мысли от других. Воображение и память не мыслят. Они — чернорабочие силы, подъяремные. Способность души, из которой исходят такие вопросы и которую доискиваются и порождаются мысли в ответ на них, называется *рассудком*, которого дело рассуждать, обдумывать и находить требуемые решения. Понаблюдайте за собою и найдете, что ничего у вас не делается без обдумывания и соображения. Всякую малость приходиться обдумывать. Как бы мгновенно это ни делалось, повсюду входит соображение и идет по означенным прежде вопросам.

3/ Когда вы обдумываете, то тут нет еще определенной мысли. Мысль определенная устанавливается, когда найдете решение какого-либо из вопросов. Рассудок ваш все роется, ища — что такое есть какая-либо вещь, откуда она и для чего она и проч. Когда же найдете сами такое решение или, выслушав его от других, согласитесь с ним, обыкновенно говорите: теперь понимаю, толковать больше нечего, дело решенное. Это решение дает покой вашей мыслительности относительно занимавшего вас предмета. Тогда рассудок ваш обращается к другим предметам, а сложившаяся мысль сдается в архив душевный — память, откуда по требованию нужды, берется как пособие к решению других вопросов, как средство к слаганию других мыслей. Совокупность всех сложившихся, таким образом, понятий составляет образ ваших мыслей, который вы и обнаруживаете при всяком случае в речах своих. Это есть область вашего *знания*, добытого вами трудом мысленным. Чем больше у вас решено вопросов, тем больше определенных мыслей или понятий о вещах; чем больше таких понятий, тем шире круг вашего знания. Таким образом, как видите, выше памяти и воображения у вас стоит рассудок, который своим *мыслительным трудом* добывает для вас определенные о вещах *понятия* или *познания*.

Не на всякий вопрос удается нам добыть определенный ответ. Большая часть их остается нерешенными. Думают-думают, и ничего определенного не придумают. Почему говорят: может быть так, а может быть этак. Это даст *мнения* и *предположения*, которых в общей сложности у нас не больше ли, чем сколько есть определившихся познаний.

Когда кто, обсуждая известный класс предметов, добудет сам и от других познаний так много определенных о них мыслей и понятий, а нерешенное в них успеет дополнить такими удачными мнениями и предположениями, что может счесть этот круг предметов достаточно познанным и уясненным, тогда приводит все добытое в порядок, излагает в связи и последовательности, и дает нам *науку* о тех предметах. Наука — венец мыслительной работы рассудка.

Все это я рассказываю вам затем, чтоб яснее вам было, в чем должна бы состоять естественная законная деятельность нашей мыслительной силы. Ей следовало бы трудолюбиво обсуждать незнаемое еще, чтобы познать то. Научниками быть дано очень немногим, не всем можно и проходить науки; но обсуждать окружающие нас вещи, чтоб добыть определенные о них понятия, всем и можно и должно. Вот этим и следовало быть у всех занято мыслительной силой. Сколько она добудет, это — судя по своей крепости; но она должна быть всегда занята серьезным делом обдумывания и обсуждения действительностей. Между тем, что видим в нашей мысленной области? — Непрерывное движение образов и представлений без всякой определенной цели и порядка. Помышления за помышлением восстают, и то идут в ряд, то полеречат друг другу, то забегают вперед, то возвращаются назад, то отбегают в сторону, ни на чем не останавливаясь. Это не рассуждение, а блуждание и рассеяние мы-

слей; след.. состояние совсем противоположное тому, чем бы следовало являться нашей мыслительной силе, — болезнь ее, столь внедренная в нее и общее всем, что вы ни одного не найдете человека, который бы мог постоянно вести серьезный труд мышления, не подвергаясь рассеянию и блужданию мыслей, отрывающих его от дела и увлекающих в разные стороны. Часто мы задумываемся. Что это за состояние? — Вот что: мысль сходит в архив памяти и помощью воображения перебирает там весь собравшийся хлам переходя от истории к истории, по известным законам сценического представления, прилетая к бывалому небывалое, а нередко даже невозможное, пока не придет в себя и не возвратится к действительности окружающих. Говорят: углубился. Углубился но в пустоту, а не в серьезное обсуждение дела. Это есть то же, что сонное мечтание, — праздномыслие и пустомыслие. Понаблюдайте за собою — и увидите, что большая часть времени проходит у нас именно в таком пустомыслии и блуждании мыслей. Иной день, (и не больше ли таких) — ни одной серьезной мысли не выпадет на ум. Просту обратиться на это внимание и заняться решением вопроса: пристало ли так действовать разумной твари? — А я между тем обращаюсь к другим разрядам душевной деятельности.

VII

Желательная сторона. Действующая здесь сила есть воля, которая волит, желает приобрести, употребить или сделать, что находит полезным для себя или нужным, или приятным, и не волит — не желает прогнать его тому. Воления воли требуют соответственного дела, потому воля прямее есть деятельная сила, которой существенная потребность — жить и действовать.

20

Она держит в своем заведывании все силы души и тела и все подручные способы, которые все и пускает в ход, когда нужно. В основе ее лежит *ревность*, или *ревность* — жажда дела, а возбуждителями стоят при ней — *приятное*, *полезное* и *нужное*, которых когда нет, ревность спит и деятельные силы теряют напряжение, опускаются. Они поддерживают желание, а желание разжигает ревность.

Ход раскрытия сей стороны душевной таков. В душе и теле есть потребности, к которым привились и потребности житейские — семейные и общественные. Эти потребности сами по себе не дают определенного желания, а только нудят искать им удовлетворения. Когда удовлетворение потребности тем или другим способом дано однажды, то после того, вместе с пробуждением потребности, рождается и желание того, чем удовлетворена уже была потребность. Желание всегда имеет определенный предмет, удовлетворяющий потребность. Иная потребность разнообразно была удовлетворена; потому с пробуждением ее рождаются и разные желания, — то того, то другого, то третьего предмета, могущего удовлетворить потребность. В раскрывшейся жизни человека потребностей за желаниями и не видно. Роятся в душе только сии последние и требуют удовлетворения, будто сами для себя.

Что делать душе с сими желаниями? Ей предлежит *выбор*, какому предмету из возжеланных дать предпочтение. По выборе происходит *решение*, — сделать, или достать, или употребить избранное. По решении делается *подбор средств* и определяется способ и порядок исполнения. За этим следует, наконец, дело в свое время и в своем месте. Всякое, даже самое маленькое дело идет сим порядком. Это можете вы проверить на каком-либо своем деле. По навыку иногда все эти

21

действия совершаются мгновенно, и за желанием тотчас следует дело. Выбор, решение и средства берутся тогда из прежних дел и особого производства не требуют.

В пожившем человеке все почти делается по привычке. Редко случается какое-либо предприятие или начинание, выходящее из обычного порядка дел и знаний. Так уж бывает, что сложившаяся жизнь требует соответственных себе дел. Как они повторяются час-то, то естественно обращаются в навык, нрав, правило жизни и характер. Из совокушности всех такого рода навыков, правил и порядков устанавливается образ жизни известного лица, как из совокушности установленных понятий составляет образ его мыслей и воззрений. Зная чей-либо образ жизни, можно угадывать, что думает он в то или другое время и как поступает он в известных обстоятельствах.

Заправителем деятельной жизни поставлено благоразумие, которые есть тот же расуток, только состоящий на службе у воли. В мысленной области расуток решает – как что есть из существующего, а в деятельной и деятельной определяет – как что делать должно, чтоб верно было достигнуто то, что законно возжелано. Когда навькнет он определять это, как следует, так что человек дела свои ведет всегда, или большею частью, с успехом, тогда ему справедливо приписывается благоразумие – умение с успехом вести дела, верно сообразая средства с целями и дела с внешними обстоятельствами.

Из сказанного вам не трудно будет вывести заключение о естественно-законной деятельности воли, которая, как видите, есть госпожа всех наших сил и всей жизни. Ее дело определять образ, способ и меру удовлетворения желаний, порождаемых потребностями или их заменивших, чтоб жизнь текла достойно.

доставляя покой и радость живущему. Есть у нас, как поминалось, потребности и желания – душевные, телесные, житейские и общественные. Не у всех они одинаково проявляются, потому что не у всех одинаково слагается жизнь, а у одного так, у другого иначе.

Дело человека определит, как в своем положении мочет и должен он удовлетворять свои потребности и желания, приладить подходящие к тому способности и вести по тому свою жизнь. Вести здравомысленно по установившейся норме свою жизнь со всеми делами ее и начинаниями – се есть задача желательной или деятельной стороны нашей жизни. Так бы следовало. Но выникните и рассмотрите, что бывает.

В мысленной стороне у нас бывает смятение, рассеяние и блуждание мысли; а в желательной – непостоянство, беспорядочность и своенравие желаний, а за ними и дел. Сколько времени проходит у нас в бездельи и пустоделии; шагаемся туда и сюда, сами не зная для чего; делаем и передельваем, не умев давая здравого в том отчета; идут у нас начинание за начинанием и дело за делом, но из всего выходит только толкотня – суета. Зарождаются желания, – и ничего с ними не поделаешь: давай и давай. И добро бы это однажды так, а то почти что ни час. От чего это? – Расплывлась госпожа наша – воля. Посмотрите еще, сколько у нас есть пришлых возбuditелей желаний, – гнев, ненависть, зависть, скупость, тщеславие, гордость и похотливые? – Источником желаний должны быть естественные потребности сложившейся жизни семейной и общественной; а в этих всех что есть естественно? Они только расстраивают естество и все порядки жизни. Откуда же это варварское нашествие? – Оставлю это вам на рассуждение, а сам поспешу к концу.

Сторона чувства – сердце. Кто не знает, сколь великое значение имеет в жизни наше сердце? В сердце осаждаются все, что входит в душу со вне и что вырабатывается ее мыслительно и деятельною стороною; чрез сердце же проходит и то все, что обнаруживается душою во вне. Потому оно и называется центром жизни.

Дело сердца – чувствовать все, касающееся нашего лица. И оно чувствует постоянно и неотступно *состояние души и тела*, а при этом и *разнообразные впечатления* от частных действий душевных и телесных, от окружающих и встречаемых предметов, от внешнего положения и, вообще, от течения жизни, понуждая и нудя человека доставлять ему во всем этом приятное и отворачивать неприятное. Здоровье и нездоровье тела, живость его и вялость, утомление и крепость, бодрость и дремота; затем, что увидено, услышано, осязано, обоняно, вкушено, что вспомнано и вообразено, что обдуманно и обдумывается, что сделано, делается и предлежит сделать, что добыто и добывается, что может и не может быть добыто, что благоприятствует нам или неблагоприятствует – лица ли то или стечение обстоятельств, – все это отражается в сердце, и раздражает его приятно или неприятно. Судя по сему, ему и минуты нельзя бы быть в покое, а быть в непрерывном волнении и тревоге, подобно барометру пред бурей. Но причувствовалося и многое проходить у него без следа, как можете проверить теми случаями, что когда в первый раз случится нам быть где, то все нас там занимает, а после второго и третьего раза разве что.

Всякое воздействие на сердце производит в нем особое чувство, но для различения их в нашем языке нет

слов. Мы выражаем свои чувства общими терминами: – приятно – неприятно, нравится – не нравится, весело – скучно, радость – горе, скорбь – удовольствие, покой – беспокойство, досада – довольность, страх, – надежда, антипатия – симпатия. Понаблюдайте за собою и найдете, что на сердце бывает то одно, то другое.

Но значение сердца к экономии нашей жизни не только, чтоб страдательно состоять под впечатлениями и свидетельствовать об удивительном или неудовлетворительном состоянии нашем; но и то, чтоб поддерживать энергию всех сил души и тела. Смотрите, как спешно делается дело, которое нравится, к которому лежит сердце! А пред тем, к которому не лежит сердце, руки опускаются и ноги не двигаются. Оттого умеющие собою править, встречаю нужное дело, которое, однакож, не нравится сердцу, спешат найти в нем приятную сторону и тою, помирав с нею сердце, поддерживают в себе потребность для дела энергию. Ревность, – движущая сила воли, – из сердца исходит. То же и в умственной работе: предмет, навший на сердце, спешнее и всестороннее обдумывается. Мысли при этом роятся сами собою, и труд, как бы он ни был долог, бывает не в труд.

Не все всем нравится и не у всех ко всему одинаково лежит сердце; но у одних больше к одному, а у других больше к другому. Это выражается так: у всякого свой вкус. Зависит это частью от естественного предрасположения, частью, – и не больше ли? – от первых впечатлений, от впечатлений воспитания и случайностей жизни. Но как бы ни образовались вкусы, они заставляют человека так устроить свою жизнь, такими окружить себя предметами и соотношениями, какие указывает его вкус и с какими мирен он бывает, удовлетворяясь ими. Удовлетворение вкусов сердечных дает ему покой – сладкий, который и составляет свою

для всякого меры счастья. Ничто не тревожит: вот и счастье.

Если б человек всегда в мысленной части держался здравомыслия, а в деятельности — благоразумия, то встречал бы в жизни наименьшую долю случайностей, неприятных его сердцу, и, следовательно, имел бы наибольшую долю счастья. Но, как указывалось, мысленная часть редко держит себя достойно, предаваясь мечтам и рассеянности, и деятельная уклоняется от своего нормального направления, увлекаясь непостоянными желаниями, возбуждаемыми не потребностями естества, а приливыми страстями. Оттого и сердце покоя не имеет, и, пока те стороны находятся в таком состоянии, иметь его не может. Больше всего тиранят сердце страсти. Не будь страстей, — встречались бы, конечно, неприятности, — но они никогда не мучили бы так сердца, как мучат страсти. Как жжет сердце гнев! Как терзает его ненависть! Как точит злая зависть! Сколько тревог и мук причиняет неудовлетворенное или посрамленное тщеславие! Как давит скорбь, когда гонор страдает! — Да если построже рассмотрим, то найдем, что и все наши тревоги и боли сердца — от страстей. Это злые страсти, когда удовлетворяемы бывают, дают радость, но кратковременную, а когда не бывают удовлетворяемы, а, напротив, встречают противное, то причиняют скорбь продолжительную и несносную.

Таким образом видно, что сердце наше точно есть корень и центр жизни. Оно, давая знать о хорошем или худом состоянии человека, возбуждает к деятельности прочие силы и послед деятельности их опять принимает в себя, на усиление или ослабление того чувства. Коним определяется состояние человека. Казалось бы, что ему следовало бы отдать полную власть и над управлением жизнью, как это и бывает у многих

— многих вполне, а у всех прочих понемногу. Казалось бы так, — и может быть, по естеству оно имело именно такое назначение, но привзошли страсти и все помутили. При них и состояние наше указываетя сердцем неверно, и впечателение бывають не таковы, каким следовало бы быть, и вкусы извращаются, и возбуждения других сил направляются не в должную сторону. Потому тепер закон — держать сердце в руках и подвергать чувства, вкусы и влечения его строгой критике. Когда очистится кто от страстей, пусть даст волю сердцу; но пока страсти в силе, давать волю сердцу — значит явно обречь себя на всякие неверные шаги. Хуже всего поступают те, которые и целию жизни поставляют сласти сердца и наслаждение, как говорят, жизнию. Так как сласти и наслаждения плотские и чувственные дают себя сильнее чувствовать, то такие лица всегда ниспадают в грубую чувственность и становятся ниже той черты, которая отделяет человека от прочих живых тварей.

Так вот вам душа и душевная жизнь со всех ее сторон! Я указывал нарочно, чему естественно следует быть на каждой стороне и чему не следует. И без напоминания вам вижу в вас готовность следовать первому и отвращать последнее. И благослови, Господи!

IX

Пишете: «я пробовала удержать свои мысли на серьезном, и никак не смогла. Думала, что это зависит от моей непривычки рассуждать, и взяла хорошую книгу, чтоб при помощи ее держать ум о дельном рассуждающим; и тут тоже. Ум все отбсгает на сторону и все к пустякам. Наконец, я и совсем задумалась; — и где-где не была и каких историй не наплела? Кто-то из наших привсел меня в себя вопросом: что это ты за-

философовалась? О чем? А я совсем не философствовала, а мечтала. Так и всегда ведь бывало: но прежде я не обращала на это внимания. Теперь вижу, и вижу, что сему не должно бы быть; но как же быть? Никак не управившись с мыслями».

Как с этим быть, я расскажу вам после: а теперь к тому вашему наблюдению прошу приложить и другое: попробуйте, хоть денек один, пробить без серчания и досадования, и скажите, как это вам удастся?

Затем вы задасте мне вопрос: «вы заключили: вот вам душа и душевная жизнь». Но у вас не все указано, что бывает в душе. Ни о добродетелях, ни о благодетелии — ни слова. А я вижу, что в нашей семье, у родных и у многих знакомых они — на первом месте не в слове только, но и в деле. «Как же об них не упомянуть?»

Об этом только что собирался я писать. Я и прощлый раз хотел сказать, что скажу теперь, но подумалось — подождать и посмотреть, как взглянете вы на все сказанное. И вот ваш вопрос. Благодарствую за серьезное внимание в предложенной, головки. Пропуск, вами шей, так хорошо сложенной, головки. Пропуск, вами замеченный — не пропуск; но говорить о том, что вам показалось опущенным, было здесь совсем не у места. Не дело души заниматься теми предметами. На то есть дух; а душа вся обращена исключительно на устройство нашего временного быта — земного. И познания ее все строится только на основании того, что дает опыт, и действительность ее обращена на удовлетворение потребностей временной жизни, и чувства ее порождаются и держатся только из ее состояний и положений видимых. Что выше сего, то не ее дело. Хотя и бывает в ней нечто выше сказанного, но то гости суть, заходящие к ней из другой высшей области, именно — области духа.

Что же это за дух? — Это та сила, которую вдохнул

Бог в лицо человека, завершая сотворение его. Все роды существ наземных изводила, по повелению Божию, земля. Из земли изошла и всякая душа живых тварей. Душа человеческая, хотя и сходна с душою животных в низшей своей части, но в высшей она несравненно превосходит ее. Что она является такою в человеке, это зависит от сочетания ее с духом. Дух, вдохнутый Богом, сочтавшись с нею, столько возвысил ее над всякою нечеловеческою душою. Вот почему внутри себя мы замечаем, кроме того, что видится у животных, — и то, что свойственно душе человека охуловленной, а выше еще — то, что свойственно собственно духу.

Дух, как сила, от Бога испещшая, ведает Бога, ищет Бога и в Нем одном находит покой. Некий духовным сокровенным чутьем удостоверяясь в своем исхождении от Бога, он чувствует свою полноту от Него заисимость и сознает себя обязанным всячески угождать Ему и жить только для Него и Им.

Более осязательные проявления сих движений жизни духа суть: 1/ *Страх Божий*. Все люди, на каких бы они степенях развития ни стояли, знают, что есть верховное существо, Бог, Который все сотворил, все держит и всем управляет, что и они во всем от Него зависят, и Ему угождать должны, что Он есть Судия и Мзодоздатель всякому по делам его. Таков естественный символ веры, в духе написанный. Исповедуя его, дух благоговет пред Богом и исполнен страха Божия. 2/ *Совесть*. Сознвая себя обязанным угождать Богу, дух не знал бы, как удовлетворить сей обязанности, если бы не руководила его в сем совсем. Сообщив духу частичку своего всеведения в указанном естественном символе веры, Бог начертал в нем и требования Своей святости, правды и благости, поручив ему же самому наблюдать за исполнением их и судить

себя в исправности или несправности. Сия сторона духа и есть совесть, которая указывает, что право и что не право, что угодно Богу и что не угодно, что должно и чего не должно делать, — указав, властно по-нуждает исполнить то, а потом за исполнение награждает утешением, а за неисполнение наказывает угрызением. Совесть есть законодатель, блюститель закона, судия и воздаятель. Она есть — естественные скрижали завета Божия, простирающегося на всех людей. И видим у всех людей вместе с страхом Божиим и действием совести. 3/ *Жаждя Бога*. Она выражается во всеобщем стремлении ко всевершенному благу, и яснее видна тоже во всеобщем недовольстве ничем тварным. Что означает это недовольство? — То, что ничто тварное удовлетворить духа нашего не может. От Бога исшедши, Бога он ищет, Его вкусить желает и, в живом с Ним пребывая союзе и сочтении, в Нем успокаивается. Когда достигает сего, покоен бывает, а пока не достигнет, покоя иметь не может. Сколько бы ни имел кто тварных вещей и благ, все ему мало. И все, как и вы уже замечали, ищут и ищут. Ищут и находят; но найдши бросают и снова начинают искать, чтоб и то, найдши, также бросить. Так без конца. Это значит, что не того и не там ищут, что и где искать следует. Не осязательно ли это показывает, что в нас есть сила, от земли и земного влекущая нас горе — к небесному!

Не разъясняю вам подробно всех этих проявлений духа, навою только мысль вашу на его присутствие в нас и прошу вас побольше подумать об этом и довести себя до полного убеждения, что точно есть в нас дух. Ибо в нем отличительная черта человека. Душа человека делает нас малым нечим выше животных, а дух являет нас малым нечим умаленными от Ангелов. Вы, конечно, знаете смысл ходящих у нас фраз — дух

писателя, дух народа. Это совокупность отличительных черт, — действительных, но некоторым образом идеальных, умом познаваемых, неуловимых и неосязаемых. То же самое есть и дух человека; только дух писателя, например, видится идеально, а дух человека присутств в нем, как живая сила, живыми и ощущаемыми движениями свидетельствующая о своем присутствии.

Из сказанного, мне желательно было бы, чтоб вы вывели такое заключение: в ком нет движений и действий духа, тот не стоит в уровне с человеческим достоинством.

X

Спрашиваете: «но как же это вы говорите, что у всех есть дух с означенными проявлениями; а между тем, мало ли народов, неведущих Бога?» — Народы те не ведают, что есть истинный Бог, но что Он есть — все исповедают. Веруя, что есть Бог и желая точнее определить, что Он есть, они заблуждались и называли Богом то, что не есть Бог: кто — солнце, кто — луну или звезды, или другое что. Не все, однакож, так грубо заблуждались. Когда Бог рассеял народы по лицу земли после столпотворения, то они все понесли с собою и предавшие дотоле здравые понятия о Боге, яко Духе невидимом. Творце, Промыслителе, Судии и Воздаятеле. Что Он есть Творец, Промыслитель и Воздаятель, это у всех сохранилось, а что Он есть Дух невещественный, это не все сохранили, но изменили славу неслепного Бога в подобие образа тленна человека, и птиц, и четвероног, и гад (Рим 1.23). Они разумели Бога, т.е. знали, что есть Бог, но не как Бога Его прославили (Рим 1.21). Из восточных народов более возвышенные о Боге имеют понятия — у Персов. Ин-